

АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИ

Юрий ЛЕВАДА

Время перемен: предмет и позиция исследователя

Ретроспективные размышления

В той или иной форме этой проблематики приходилось касаться в разные годы. Переосмысление собственного опыта, средств и категорий исследования — одна из постоянных тем исследовательских размышлений. Несколько упрощенно ее можно свести к двум задачам.

Первая из них связана с необходимостью более глубокого анализа изучаемого *предмета* (общества, общественного мнения), который позволил бы видеть различные уровни динамики, различные аспекты событий и т.д.

Приходилось отмечать, что в обстановке социальных потрясений и переломов обнажаются, становятся доступнее для наблюдения скрытые механизмы общественных процессов, глубинные структуры. Оценивая накопленный опыт, нужно также принять во внимание, что происходят существенные сдвиги в самих этих структурах и механизмах. Претерпевают изменения и структуры общественного мнения, способы его консолидации и мобилизации, критерии оценки и поддержки лидеров, массовых настроений удовлетворенности, недовольства и пр. Общественное мнение в нынешней России 2003 г. не то, что общественное мнение времен первых исследований ВЦИОМ (1988-1989 гг.).

Другая задача — неизбежное переосмысление исследовательской *позиции*.

Серьезный выбор делается редко, в том числе профессиональный. Но задумываться над его смыслом приходится на каждом новом витке событий внешних или внутренних, применительно к "возрасту" общества или к "зрелости" собственного опыта. Это может относиться к отдельному человеку, к исследовательскому коллективу, а то и к целому "профессиональному поколению". В данном случае речь идет о смысле социологической, исследовательской позиции в изменяющихся условиях, т.е. о категории существенно иной и более сложной, чем, например, позиция политическая ("за" и "против",

"с кем" и "против кого"). Стремясь к максимальной объективности — в терминологии М.Вебера, к "свободе от ценностей" — своего анализа, исследователь неизбежно оказывается на пересечении силовых линий различных интересов, ожиданий, иллюзий, включая свои собственные. Поэтому в определение позиции социолога входит и его отношение к этой системе координат. Только в некоторой ретроспективе, оценивая события и собственные представления задним числом, можно, видимо, достаточно надежно отделить исследовательские установки от интересов и иллюзий времени. В этом состоит одна из главных задач переосмысления позиций исследователя.

Обманчивое противопоставление: "старое" — "новое". Обсуждение произошедших в стране перемен, а также перспектив дальнейшего развития достаточно часто вращается вокруг оси противопоставления "старого" и "нового" (государства, общества, порядка, человека). Возникают вопросы о том, насколько "новыми" можно считать нынешние порядки, насколько реально возвращение "старого" образа жизни и пр. Такая постановка вопроса кажется в принципе неверной, поскольку основана на предположении, что общественные процессы носят непременно линейный характер, т.е. сводятся к движению "вперед—назад" в некоем одномерном пространстве. (С такой установкой связано, в частности, искусственное сосредоточение общественного внимания на фантоме "возвращения" к советскому прошлому; это уводит от оценки сегодняшних альтернатив и реальных опасностей.)

Сдвиги, происходящие на самом деле, значительно сложнее и в простую схему не укладываются. События последних примерно 15 лет дают тому многочисленные примеры: разрушение тоталитарной системы происходило (и происходит) не под напором "демократии", а под влиянием

авторитарных действий, аппаратных интриг, сепаратистских и просто корыстных расчетов; трудное преодоление изолированности от внешнего мира достигается ценой молчаливой поддержки западными державами репрессивных акций российских властей и т.д. Многократно осуждавшаяся еще в конце 80-х годов химера "разумного" авторитаризма как средства перехода к демократическим порядкам получила практическое воплощение в формах, далеких от разумности и демократичности как по средствам, так и по результатам.

На плоскости общественного мнения в массовом сознании эта ситуация находит свое выражение в постоянных метаниях между тоской по прошлому и приспособлением к изменившимся обстоятельствам, недоверием к властным институтам и иллюзорными надеждами на очередного лидера, стремлением войти на равных в сообщество развитых стран и комплексами державной неполноценности, завистью и ненавистью к богатым и т.п. Налицо, таким образом, сугубо неклассический ("нехрестоматийный") набор социальных феноменов и фантомов. Правоммерно ли относить подобную "химерность" к специфике нашего национального (национально-исторического) сознания или это неизбежный атрибут любого "переходного" периода, сочетающего компоненты различных эпох и систем? Видимо, в той или иной форме "химерные" социальные образования вездесущи, а классически "чистые" формы носят лишь идеально-типические конструкции, т.е. исследовательские инструменты. Особую болезненность этой ситуации, а также ее восприятию в общественном сознании — придает историческое запаздывание российских модернизационных переходов, последовательные фазы которых остаются незавершенными и как бы накладываются друг на друга. Соответственно происходит и наложение нерешенных, полурешенных, неверно поставленных и т.д. социальных задач.

Это относится не только к "материальным" выражениям социального развития (например, к сочетанию разных фаз индустриализма и постиндустриализма), но и к интересующим нас в данном случае структурам массового сознания, механизмам самоидентификации, мобилизации, поддержки, доверия, протеста и пр. А также, разумеется, к переходам от общественного возбуждения к массовой апатии, от воодушевления к разочарованиям.

Сдвиги: ожидаемые и неожиданные. За последние полтора десятка лет в обществе имели место события и коллизии, которых не ожидали

даже самые внимательные отечественные наблюдатели или зарубежные специалисты. К ним относятся и сами попытки политической перестройки в партийно-советских рамках (1988—1989 гг.), развал этих рамок с "путчем" 1991 г. (в этом случае неожиданным было не само выступление партийных консерваторов, а его беспомощность), радикализм замысла и противоречия реализации экономической реформы, конфронтация внутри "новой" правящей элиты 1993 г., военная авантюра в Чечне (1994 г. и далее), нарастающая дискредитация первого посткоммунистического режима Б.Ельцина, политический поворот 1999 г. с новым типом лидерства, новой фазой чеченской войны, надеждами на стабилизацию в обществе и очередными разочарованиями на разных уровнях. В каждом из этих разнородных и разнозначных случаев можно обнаружить сходство в схеме или механизме события: несоответствие друг другу проблемы, способов ее решения и характера исполнителей. Отсюда неизбежная болезненность, конвульсивность перемен, поиски виноватых вместо поисков путей решения соответствующих задач и пр.

В этих меняющихся условиях фоном динамики общественного мнения оставалось постоянно пульсирующее массовое недовольство, которое стремится использовать различные политические силы. Ожидаемые и неожиданные перемены в этой плоскости являются в данном случае предметом исследовательского внимания.

Первой неожиданностью здесь стала, конечно, воодушевленная и наивная мобилизация общественной поддержки М.Горбачева в "ранние" годы политической перестройки (1988—1989 гг.). По опросным данным, уровень полного и неполного одобрения деятельности лидера достигал в конце 1989 г. 83%, при том, что неодобрение ему высказывали всего 7% (опрошены 2500 человек по всесоюзной выборке). Это означало фактическое отсутствие каких-либо альтернатив и, по крайней мере, открытого противодействия провозглашенной линии. В свете последующего опыта можно выделить несколько разнородных компонентов тогдашнего почти всеобщего единодушия. Во-первых, оно было продолжением глубоко укорененной в массовом сознании советской традиции "единодушного одобрения" руководящих персон и лозунгов. Во-вторых, оно отражало разнородность надежд, которые тогда связывали с деятельностью М.Горбачева: одни ("демократы") рассчитывали на демократическую эволюцию режима, другие (партийно-советская элита) — на сохранение своих позиций при косметическом ремонте государственного механизма.

На столь противоречивой основе массовая поддержка лидера долго продержаться не могла, за резким ее взлетом последовало еще более резкое падение уже в 1990 г.

Пиковые значения поддержки Б.Ельцина (около 70% одобряющих его деятельность) приходятся на 1990–1991 гг., точнее, это два момента: первый — июль 1990 г., после избрания его председателем российского Верховного Совета и последовавшего за этим принятия Декларации о суверенитете, второй — после ликвидации путча августа 1991 г. Все остальное время правления первого президента отмечено существенным противостоянием в общественном мнении, причем если до конца 1991 г. деятельность лидера одобрялась относительным большинством, то уже с 1992 г., т.е. с началом болезненных реформ одобрение выражает только меньшинство, ставшее к концу правления крайне малочисленным.

Ситуация "конфронтационного" общественного мнения в обществе, не имевшем традиций социально-политического плюрализма, заслуживает особого исследовательского внимания. Существование влиятельной оппозиции, причем "слева", со стороны традиционно-советского популизма, вынуждало власть допускать публичную (через масс-медиа) критику в свой адрес и искать поддержки у демократически настроенных групп общества. Правда, призывы к "антикоммунистической диктатуре" (1991, 1993, 1996 гг.) успеха не имели. Итогом периода, столь богатого конфликтами и коллизиями, закономерно оказался не институционализованный политический плюрализм, с реальной многопартийностью и гарантированными политическими свободами, а чуть ли не всеобщая тоска по порядку и спокойствию, поддержанному "сильной рукой".

С конца 1999 г. "путинский" режим, беря на себя роль исполнителя таких чаяний, попеременно использует механизмы воинственной мобилизации и стабилизирующей консолидации общества. Так, исчерпание потенциала "чеченской" социально-политической мобилизации вынуждает искать ресурсы поддержки в консолидации вокруг экономических планов или международных союзов; когда эти направления представляются недостаточно эффективными в каких-то околостатных ситуациях, в ход идут воинственно-мобилизационные приемы популистского типа (например, "антикоррупционные" или "антиолигархические"). Это позволяет поддерживать в общественном мнении довольно стабильный положительный баланс "одобрения—неодобрения" деятельности президента.

При этом явное большинство в "группе несогласия" составляют, как и в "ельцинские годы", сторонники компартии, демократическая оппозиция представлена в критическом общественном мнении очень слабо, многие из относящих себя к демократам надеются в какой-то мере опереться на президентскую власть. Аналогичным образом поступает и большинство несогласных с продолжением чеченской войны, поэтому их недовольство не превращается в активный протест. Примерно так же поступают недовольные экономической политикой, низким уровнем жизни, ущемлением гражданских свобод и т.д.

Создается ситуация, напоминающая ироническую формулу "демократического централизма" советских лет ("каждый в отдельности — против, но все вместе — за"): неодобрение по конкретным, частным поводам суммируется "в целом" в стабильно-высокий уровень поддержки лидера. Формирующаяся таким образом социально-политическая консолидация общественного мнения остается рыхлой, довольно далекой от восторженной мобилизации. В принципе такая консолидация вполне достаточна для того, чтобы существующая расстановка сил без особого напряжения была продлена на ближайших парламентских и президентских выборах. Причем, впервые за постсоветские годы власть не нуждается для этого ни в поддержке немногочисленных демократов, ни в демонстративном соблюдении гражданских свобод.

Очевидная обратная сторона таких отношений между властью и обществом — растущая зависимость власти и ее носителей от узкоаппаратных, групповых интересов, амбиций, интриг. Вполне вероятно, что неожиданная для многих апелляция к популистски-мобилизационным средствам массового возбуждения, проявившаяся летом 2003 г., связана именно с такой зависимостью.

Если отвлечься от канвы событий, а ограничиться только фактами общественного мнения, то здесь неожиданными были обнаруженные в исследованиях свойства общественных настроений и установок: легкое верие, краткосрочная мобилизуемость, готовность обманываться и довольствоваться малым, персонализация надежд, пассивное терпение.

Оглядываясь назад, мы на протяжении примерно полутора десятка лет видим последовательность и сочетания довольно узкого набора состояний общественного мнения. При любом анализе изменений, производимых задним числом, возникает соблазн считать все происшедшее неизбежным, единственно возможным, тем самым *оправданным*. Преодолеть его можно только

с помощью какого-то мысленного эксперимента, который позволил бы сопоставить различные факторы и варианты развития ситуаций. Скажем, смена таких фаз динамики общественных настроений, как напряженность и релаксация, увлечения и разочарования, одобрение и сомнения и т.п., — универсальные формы, а способы их нагнетания и использования зависят от соотношения сил и стремлений в данной ситуации. "Короля", как известно, всегда "играет свита", но реальная мера ее влияния на лидера определяется масштабом личности последнего, сплоченностью групп непосредственной поддержки и давления и пр. Социологическому исследованию общественного мнения динамика "малогрупповых" влияний на властные механизмы и на "массовое" сознание, по определению, не доступна. Перед нашими глазами лишь крупные, массовые образования, выделенные историческим разделением труда, традициями социального знания или нуждами текущего исследования.

Чем больше приходится работать с рядами показателей общественных настроений (удовлетворенности и недовольства, спокойствия и тревожности и т.д.), тем сложнее оценивать их значение. В каждом таком показателе в скрытом виде присутствуют по меньшей мере две составляющие: запросы и их удовлетворение (на деле ситуация гораздо сложнее, поскольку на нее влияют факторы осознания, ожидания, самообмана и т.д.). Поэтому, например, динамика позитивных оценок социальных настроений может свидетельствовать как о насыщении существующих запросов, так и об их уменьшении, иногда о том и другом одновременно. Имеющиеся данные показывают, что более половины населения вынуждено понижать собственные запросы, приспособляясь к сложившейся ситуации.

А это значит, что показатели "оптимизма" или "пессимизма" в массовых опросах нельзя принимать "за чистую монету", т.е. оставлять без аналитической интерпретации. Скажем, повышение уровня удовлетворенности (собственной жизнью или положением в стране, деятельностью власти) может означать не более как традиционную или благоприобретенную привычку довольствоваться малым из опасения худшего. И напротив, рост уровня критических оценок бывает показателем повышенной требовательности, что никак нельзя считать достойным сожаления. Возможно, при дальнейшей разработке проблемы удастся определить адекватные средства различения упомянутых функций.

Новые фигуры на игровой доске? В отечественной социологии традиционно-классовый подход к социальной структуре давно несколько беспорядочно сосуществует с различными вариантами выделения значимых страт, доходных и статусных групп и пр. Применительно к задачам анализа общественного мнения целесообразным представляется отслеживать преимущественно функции групп, обладающих специфическим влиянием в рамках этого феномена — мнения лидеров, элит, слоев и структур массового общества, получивших универсальное распространение во второй половине прошлого века. Накопленный за последние годы опыт работы с данными массовых опросов позволяет считать такой подход вполне пригодным и для понимания существенных сторон формообразования современного российского общества. И напротив, использование категорий исследования общественной структуры, оправданных в середине или в конце XIX в., становится малоэффективным.

Ограничусь немногими примерами методологического порядка. В научной и особенно околонучной (популярной, публицистической) литературе по-прежнему интенсивно обсуждается тема "*среднего класса*", его характеристик и возможной роли в становлении нового общественного порядка. Одно время, лет пять назад, в прошлую эпоху, дело чуть ли не дошло до государственной программы формирования такого класса. Недавно в одном из популярных социально-экономических журналов ("*Эксперт*") была даже сделана полусерьезная попытка спрогнозировать партийный состав "*послепослезавтрашнего*" парламента (2011 г. избрания) на основе представлений о перспективах численности "*среднего класса*". Слой относительно состоятельных людей несомненно существует и, скорее всего, будет численно расти, постепенно сглаживая сегодняшнюю резкую имущественную и статусную дифференциацию. Значительная часть (около половины) населения в настоящее время хотела бы равняться на стандарты жизни этого слоя. Но никаких шансов превратиться в особый социальный класс (в классическом марксистском, околomarксистском, веберовском и ином смыслах — со своими интересами, своими противниками, своим образом жизни, вкусами и т.д.) он, по всей видимости, не имеет. Неумолимая тенденция развития ведет к массивификации общественных групп, размыванию границ, усреднению доминирующих образцов, а никак не к формированию новых обособленных групп. Кроме того, слишком большим и

старомодным упрощением можно было видеть в современных политических партиях, тем более в государствах, выражение интересов отдельных классов или подобных им обособленных общественных групп. Это относится и к среднему слою.

Много вопросов вызывает еще одна важная группа, как будто недавно заявившая о своем социально значимом существовании, — *молодежь*. Как особая социальная категория, как носитель специфических интересов и ценностей, своей субкультуры, наконец, как социальная проблема это — атрибут современного массового общества. Но это "переходная" группа, которую все проходят, но в которой никто надолго не остается. Нетрудно заметить, в том числе и у нас, что молодежь заражает все общество "своими" вкусами, стилем, модой и многим другим, т.е. атрибутами собственного "игрового" поведения. Может ли современная молодежь быть распространителем "серьезных" социальных, политических, культурных ценностей, как это было (или казалось), например, в эпоху "отцов и детей" XIX в.? Почему этого не происходит? Многочисленные данные (см. статью Н.Зоркой и Н.М.Дюк в настоящем номере) показывают, что молодые люди не отличаются ни радикальностью своих социально-политических позиций, ни активностью участия в общественной жизни. Бесмысленно упрекать в этом современных молодых людей (чем заняты некоторые политики). В позапрошлом веке "западные", модернизационные веяния шли в Россию через молодые поколения, которые тогда играли в серьезные, "взрослые" игры, а не отгораживались в своем полумире. А сейчас молодые люди проникаются серьезными, "взрослыми" интересами после того, как перестают быть молодыми. Это, видимо, всеобщая тенденция, не только у нас заметная. Поэтому новым (серьезным) веяниям, современным ценностям оказываются открытыми не самые молодые, а следующее поколение, т.е. "отцов" этих молодых.

К этому стоит добавить, что за последние годы именно молодежь (самые молодые, до 25 лет), так же и по ее собственному признанию, оказалась в выигрыше — это (относительно) наиболее состоятельный, наиболее свободный от каких-либо стеснений, обладающий огромным ресурсом возможностей для досуга, учебы, работы, общения и т.д. слой общества. Причем все эти возможности не были "завоеваны" в результате какой-то направленной борьбы, а получены как бы в подарок, благодаря стечению социальных обстоятельств. Отсюда и отсутствие у

молодых стимулов для обращения к политическим или иным организованным действиям — ни ради общесоциальных целей, ни ради специфически "молодежных" прав (по образцу студенческих "революций" 1968 г. в Западной Европе). Поэтому не молодежь как таковая, как особая группа, а условия ее "взросления" могут быть фактором изменения общества.

Остается обратиться к роли "*новой*" политической элиты, а точнее, сегодняшней конфигурации сил и средств вокруг элитарных функций. За интересующие нас полтора десятка лет эти функции исполняли три различные структуры. "Перестроечную" элитарную структуру определял вынужденный и неустойчивый союз либерального крыла партаппарата с демократически настроенной интеллигенцией, при чрезвычайно высокой поддерживающей активности масс-медиа и молчаливом сопротивлении "старого" аппарата. "Постперестроечная" конфигурация — еще более неустойчивый, пронизанный интригами блок нового чиновничества с олигархами, растерянная и частичная поддержка со стороны демократов, преимущественно служебная, отчасти политтехнологическая роль медиа. И наконец, нынешний элитарный механизм: новая чиновничья верхушка из "силовых" кадров, олигархи отодвинуты в сторону, малочисленные демократы загнаны в угол, наиболее массовые медиа (телевидение) подчинены технологическим запросам. В общественном мнении укоренилось представление о том, что президент В.Путин выражает преимущественно интересы "силовых" структур и опирается на них. В июле 2003 г. так считали более половины опрошенных (51%). Здесь, видимо, происходит некоторая абберрация взгляда: дело, скорее всего, не в силовых "интересах", а в соответствующем стиле и способах решения ("нерешения") проблем.

Но важнее изменение функций элитарных структур. Если в первый из перечисленных периодов публичная функция элиты состояла в возбуждении общественного мнения, во втором периоде — в сохранении инерционной поддержки с его стороны, то в современных условиях это прежде всего стабилизация массовых настроений поддержки власти, но, как уже приходилось отмечать, осуществляемая через периодическую дестабилизацию обстановки.

Конечно, все названные элитарные структуры отличны от партийно-советского образца "ведущей" и "всеведающей" силы. Это можно было бы считать весьма позитивным показателем, если бы центры инициативы и активности в обществе действительно переместились на

уровень индивидуальных и институциональных субъектов. Но ни действительно новой, ни устойчивой — на определенную перспективу — конфигурации не возникло. Кого бы ни винить в этом: нерешительность М.Горбачева, неподготовленность демократов, непредсказуемость Б.Ельцина, непреодолимое влияние силовых структур на носителей власти, особенно в правление В.Путина, трудно представить себе иные вероятные варианты развития элитарных структур. Объяснить этот "фатализм наоборот", примененный к прошлым этапам, как будто можно довольно просто: ничья сознательная воля и никакое организованное целенаправленное действие не играли существенной роли на всех поворотах. Поэтому все перемены в принципе осуществлялись по самым вероятным, т.е. запутанным и нерациональным, "стихийно" складывающимся, траекториям — именно они задним числом и представляются чуть ли не единственно возможными.

"Понижающая" идентификация. Неожиданный, даже шокирующий для исследователей последнего времени сдвиг в общественном мнении — характер перехода от "советской" к "российской" идентификации человека. Очевидно, что это далеко не просто перемена формальных (паспортных) признаков государственной принадлежности. "Советская" идентификация имела значимую социально-политическую и идеологическую нагрузку (сопричастность к социально-политическому строю, ценностям, противостоящим остальному миру). В ряду навечно-демократических ожиданий, распространенных в атмосфере "ранней" перестройки, имелаась и надежда на то, что освобожденный от этой обязательной причастности человек станет утверждаться как свободная и ответственная личность, правомочный гражданин, равноправный член европейского и мирового сообщества. Вектор изменений оказался другим: на первый план выступила идентификация с семьей, "малой" родиной, этнической общностью, конфессией, в меньшей мере — со "своим" (но уже деидеологизированным) государством. Иначе говоря, произошел как будто определенный сдвиг в сторону идентификационных механизмов "низшего", более традиционного порядка; понижающей адаптации соответствует и тенденция к "понижающей идентификации" человека.

Правда, эта тенденция не является единственной. В анкетах мы обнаруживаем утверждения о том, что заметная часть опрошенных "иногда" или "время от времени" чувствуют себя

свободными гражданами, европейцами и т.п. Считать подобные заявления признаками новой идентификации можно с большими оговорками. Декларативная сопричастность к некоторому континентальному или всемирному сообществу может иметь символическое идентификационное значение, но вторичное по сравнению с переживанием "своей" общности как привычной, как средоточия "своих" радостей и "своих" огорчений. А смещение вектора идентификации от тоталитарного идеологизированного государства к государству правовому, т.е. к национально-государственной идентичности, в принципе не означает понижения уровня сопричастности, если речь идет о действительно современном, либеральном типе государственности. Проблема в том, насколько далеко российское общество сегодня от реализации такой модели.

Один из показателей такого расстояния — распространенность патерналистского отношения к государству, которое чаще рассматривается как источник заботы о подданных, чем как институт правового общества. Отсюда следует и обратная реакция — известная формула английского патриотизма: "права она или не права, но это моя страна" — предполагает отстраненную рационально-критическую оценку собственного отечества. В российской и советской традиции "своя" страна права всегда уже потому, что она "своя", а остальной мир чужд и враждебен. Этнополитические конфликты последних лет, прежде всего, конечно, чеченская война, создают фон для высокого и даже растущего уровня этнической ксенофобии. Прагматическое, поведенческое выражение этой установки — широкая поддержка требований ограничить доступ "южан" в крупные города России, а также высокие показатели отчужденности по шкале "социальной дистанции", особенно нежелание видеть "чужих" в качестве родственников.

Очевидно, что распространение ксенофобии, почти не встречающей сопротивления в обществе и на различных уровнях государственного аппарата, отодвигает страну от образцов либерального государства и гражданского общества. Но враждебность, психологическая агрессивность по отношению к "чужим" может стать фактором мобилизации общественных настроений только в исключительных и относительно кратковременных ситуациях, например, на некоторых фазах той же чеченской войны. В большинстве же случаев современная ксенофобия — это, скорее всего, оборотная сторона социально-психологического, "массового" комплекса собственной неполноценности.

Позиция и ценности исследователя. Вернемся теперь к проблеме, обозначенной в начале статьи, — положению исследователя, исследовательской группы, коллектива на пересечении силовых линий общества. Ведь только теоретически или в идеально-типическом случае существует жесткое разграничение "субъективных", человеческих и "научных" интересов в работе конкретного исследователя. На деле это динамичный стандарт, соблюдение которого постоянно требует усилий. А кроме того, сама энергия научного исследования, особенно в общественных науках, если не всегда, то очень часто подкрепляется человеческими и социальными интересами. Отдельная проблема — влияние на исследование таких внешних (социальных, политических) факторов, как ограничения, допуски, запросы, публичность и пр.

Чтобы выстроить ряд сравнений, приходится начинать с рубежей почти 40-летней давности — с первых поисков возможности социологической работы в стране. Немногие помнят специфическую атмосферу тех лет, когда никаких новых общественных ориентиров не существовало, но как будто появилась некая возможность окунуться в среду языка, стиля, методов социального мышления, заметно отличного от доминирующей идеологической догматики. Этого казалось достаточно, чтобы зажечь исследовательский интерес, а порой и огонек коллективной поисковой работы.

К концу 1980-х годов, когда возник новый общественный интерес к социологической науке, проблема позиций исследователя приобрела иной смысл. Главным стимулом стало стремление участвовать в наметившемся общественном обновлении. Научный интерес был теперь ориентирован как бы вовне, в сферы общественных проблем и перемен. Иллюзия долгожданной общественной востребованности, захватившая тогдашнюю демократически-интеллигентскую среду, оказала сильнейшее влияние на круги и кружки социальных исследователей, особенно тех, кто на себе испытал взлеты и крушения надежд предыдущего времени. Как и всякая иллюзия, она сыграла роль движущей силы, в частности, стимулировавшей развитие исследовательских интересов и проектов, и в то же время в определенной мере этот интерес и дезориентировала. Желание видеть успешность и глубину перемен затрудняло анализ сложности происходящих процессов. Кроме того, влияние иллюзий всегда кратковременно, волна общественных разочарований, поднятая еще в середине 1990-х годов, к концу десятиле-

тия накрыла даже самую увлеченную исследовательскую среду и вынудила вновь переоценить стимулы и смыслы собственной деятельности. Переход от позиции "увлечения" к позиции, условно говоря, "наблюдения" остается достаточно сложным.

Представление о том, что социальная наука (в данном случае социология общественного мнения) служит "интересам общества" не более чем увлекательная метафора. Конкретная реальность каждого общества — взаимодействие определенных институтов, групп, сообществ, обладающих разными интересами и разными их выражениями. В условиях резких общественных кризисов и переломов казалось оправданным апеллировать не к наличному, а к "потенциальному" обществу, общественному сознанию, человеку. Условия относительной, хотя бы декларативной стабилизации неизбежно выводят на поверхность вполне конкретных претендентов на роль представителя "общественных интересов" — властные и околовластные группы, различные обслуживающие организации и т.д. Возникает понятный соблазн подмены общественных интересов сиюминутными запросами одной из таких групп; далеко не все могут ему успешно противостоять.

Другую современную опасность (она же и соблазн) позиции социального исследователя представляет, естественно, все более универсальный маркетинг. Точнее, присущая маркетингу тенденция подчинять исследовательский интерес конкретным, зримым (или предсказуемым завтрашним) запросам участников потребительского рынка, в том числе социального, политического, идеологического и пр. Эта опасность, пожалуй, сильнее предыдущей.

Эти, осторожно выражаясь, сложные обстоятельства не устраняют позиции объективного исследования (по умолчанию, предполагается, что речь идет о "мыслящем", аналитическом исследовании), но делают ее постоянно и напряженно проблематичной. Существуют тенденции изменений, объективно "заряженные" на дальнюю перспективу, выходящую за пределы зрения каких бы то ни было потребителей и заказчиков, и внутренняя логика самого научного исследования, независимая от обстоятельств сегодняшней "затребованности" или, скажем, "нежелательности" каких-то результатов и целых направлений. Когда и какие властные и контролируемые ресурсы группы это признают — вопрос особый и собственно обращенный уже не к исследователям. Это, возможно, один из главных итогов беглого обзора перемен последних лет.